

ЧЕРНОГОРЦЫ

ИЛИ

СМЕРТЬ СЯНЯХ-АГИ ЧЕНГИЧА.

*Pendant que nous délivrons les autres,
nous sommes esclaves nous-mêmes.*

ПОЭМА ИВ. МАЖУРАНИЧА.

Fenelon.

мажуранич

Переводъ съ сербско-хорватскаго.

А. ЛУКЪЯНОВСКАГО.

KNJIŽANA LAV. HARTMANA (KOOLI I DEUTSCH)

Knjižara Jugoslavenske akademije

ZAGREB, DUŠA UL. 12.

ПСКОВЪ.

Въ типографіи Б. М. Неймана.

1877.

891.83

M4757 XR

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Поэма „Смерть Смаиль-аги Чѣнгича“ написана Иваномъ Мажураничемъ, и издана сначала по „иллирски“ въ загребскомъ альманахѣ „Искра“ въ 1845 году. Потомъ напечатана она по „сербски“ въ „Цвѣтникѣ сербск. слов.“ Субботича, въ 1853 г. Наконецъ издалъ ее Ткалаць, то-же по „сербски“ въ Загребѣ въ 1859 году *).

Родъ Чѣнгичей былъ всегда особенно враждебенъ Черногорцамъ; такъ еще при Владыкѣ Даніилѣ (1700—1735 г.) братья Чѣнгичи нападали на Черногорію со всѣми силами Босніи и Герцеговины **); и изъ газетъ было видно,

*) См. Обзоръ исторіи славянскихъ литературъ А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича.

**) См. Четыре мѣсяца въ Черногоріи, Е. Ковалевскаго.

что „кула“ (укрѣпленіе) Чѣнгичей была взята и разрушена, нынѣшнимъ Княземъ Черногорскимъ Николаемъ, одною изъ первыхъ. Поэма представляетъ характеристическія черты отношеній Турокъ къ подвластнымъ имъ славянамъ-христіанамъ и Черногорцамъ, и при томъ въ недавнее время; рассказъ поэмы относится ко времени Владыки Петра Второго (1830—1851 г.)

Предлагаемый переводъ—не подстрочный; но переводчикъ старался сохранить смыслъ и характеръ подлинника, и поэтому назвалъ трудъ свой не подражаніемъ, а переводомъ.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Въ укрѣпленіяхъ нагорныхъ,
Въ Стольцѣхъ средь Герцеговины,
Смаиль-ага слугъ проворныхъ
Созвалъ кликомъ властелина.
Тѣ стоятъ, дрожа отъ страха.
„Гей, сейчасъ привестъ мнѣ Влаха! ¹⁾
Пса изъ шайки той проклятой,
На Морачѣ ²⁾ мною взятой!
Или вотъ что — вывестъ всѣхъ!
Притащите и Дурака! ³⁾
Онъ, презрѣнная собака,
Вздумалъ, словно какъ на смѣхъ,
Мнѣ грозить ихъ местию жалкой,
И того не взявши въ толкъ,

¹⁾ Влахами — Турки называютъ всѣхъ христіанъ, не смотря на различіе вѣроисповѣданія, въ Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи.

²⁾ Морача — рѣка.

³⁾ Дуракъ — турецкое имя.

Что шутя потушить волкъ
Гнѣвъ мышей кнутомъ и палкой!“

Гонять Бѣрдянь ⁴⁾. И рѣчей
Попусту не тратя, рядомъ
Стали Влѣхи, палачей
Разсердивъ безстрашнымъ взглядомъ.
Цѣпи гнетъ и плѣнь позорный
Не сломили нравъ упорный.
О студеная Морѣча!
Содрогнулась-бы ты плача,
Видя, какъ твоихъ дѣтей
Гонять взмахами плетей.
Къ христіанамъ Турки строги —
Руки скованы и ноги.

„Ну для васъ, друзья мои юнаки, ⁵⁾
Я припасъ не мало угощенья!
Не понравится — прошу прощенья!
Коль да ножъ, да пулю вамъ, собаки,

⁴⁾ Бѣрдяне — жители Берды (Брды), сѣверовосточной части Черногоріи.

⁵⁾ Юнакъ — молодець.

Нечисть подлая, гнилые смерды....

Что для васъ, то и для цѣлой Бѣрды!“

Ага, смолкъ. И гнѣвомъ разгораясь,
Подаль знакъ, на Влѣховъ озираясь.
Мучить раю ⁶⁾ — Турчину забава.
Да забыль онъ силу Черногорца,
Крѣпкаго за вѣру ратоборца:
Смерть за крестъ Христовъ — юнѣкамъ слава.
Видишь? на коль ихъ живѣмъ сажаютъ,
Кожу съ мясомъ съ нихъ, какъ лубъ, сдирая;
Но безъ вдоха Влѣхи умирая,
Предъ врагомъ себя не унижаютъ.
Лишь иной крестясь промолвить: „Боже!“
Или „Исусе!“ вскрикнетъ мучась.
Вопля о пощадѣ ждаты соскучась,
Злитя ага — все одно и то-же:
Просьбы и мольбы — напрасно ждалъ-бы,
Хоть-бы стонъ, хоть зубъ заскрежеталъ-бы.

⁶⁾ Раей — называются турецкіе подданные хрстіане.

Врызжетъ кровь. Какъ по уступамъ,
Каплями сейчасъ по трупамъ,
Внизъ течеть. Отъ крови смрадно
Въ воздухѣ. И какъ злорадно
Смотрятъ Турки молодые;
Но потупились сѣдые
Старики ихъ. Знать боязнь
Имъ внушаетъ эта казнь.

Ага мраченъ. Хищный волкъ
Въ бѣшенствѣ нѣмомъ замолкѣ.
Не сломилъ онъ силу Влѣха;
По юнацки и безъ страха
Умирають, Неминучей
Страхъ явился мести жгучей.

Не отъ жалости конечно
Содрогнулся ага злобный;
Радъ, что случай есть удобный
Такъ потѣшиться сердечно.
Къ Влѣхамъ злоба вѣковая
Разгорѣлась понемногу:
Турокъ, раю убивая,
Угождаетъ этимъ Богу.

Но не смѣйся, душегубецъ!
Въ казняхъ не ищи успѣха!
Вѣрь, жестокій сластолюбецъ,
Что кровавая потѣха
Не пройдетъ тебѣ напрасно —
Ты расплатишься ужасно!
Посмотри, какъ гордо око
Черногорца местию пышетъ!
Онъ мертвецъ, уже не дышетъ,
Слабый трупъ..... но недалеко
Мщенья часъ — не всѣ убиты:
Не найдешь нигдѣ защиты,
Отомстятъ тебѣ жестоко!

Кончилась казнь. Но умирая
Робости не выказала рая,
Совершила подвигъ несвершимый.
Ихъ упорствомъ, какъ огнемъ палимый,
Ага и надъ Дуракомъ ругался:
„Ну, старикъ безмозглый, выходи-ка!
Что теперь ты скажешь? погляди-ка!
Глупый трусъ, ты мыши испугаешься.....
Такъ пускай сейчасъ тебя подтянуть
Къ небу выше — мыши не достануть!“

Молча звѣрскіе рабы
Тащатъ бѣднаго. Судьбы
Часъ насталь его. Убійца
Глухъ къ мольбамъ. Вотъ сынъ, Новица, ⁷⁾
Отъ испуга холодѣя,
Хочетъ умолить злодѣя.
Какъ виномъ разгорячаясь
Кровью, нѣмъ во гнѣвѣ дикомъ
Ага. И, съ предсмертнымъ крикомъ,
Вмигъ повисъ старикъ качаясь.

⁷⁾ Новица — Турокъ, сынъ Дурака.

ПѢСНЬ ВТОРАЯ.

Сходить вечеръ тихій. Облачкомъ покрылось
Солнце утомившись, день деньской высоко
По небу гуляя, и въ горахъ зарылось.
Выплыль мѣсяць ясный; смотритъ какъ глубоко
Врѣзалось ущелье въ сердце горъ; все выше
Свѣтитъ, разстилая подъ скалою нависшей
Тѣнь, и разливаясь блескомъ серебристымъ
По вершинамъ горнымъ, по лугамъ росистымъ.
Чу!.... кто это, съ тѣнью черною сливаясь,
Крадется неслышно, робко озираясь?
Камень-ли гдѣ треснетъ, заяцъ-ли пугливо
Прыгнетъ чрезъ тропинку, прячась торопливо,
Иль змѣя скользявши травкою всколыхнетъ —
Чутко оглянется, смотритъ и не дышетъ;
Сторонясь отъ свѣта, самъ, какъ тѣнь, блуждаетъ:
Встрѣчи иль погони, видно, ожидаетъ.

Кто же это въ струкъ? ⁸⁾). Жметя и боится
Ненапрасно путникъ: это самъ Новица,
Воронъ Черногорья, сборщикъ Чѣнгичъ-аги,
Крадетя ущельемъ, прячетя въ овраги.
Дальше — невозможно: ярко мѣсяць свѣтитъ.
Если, Богъ избави, кто его примѣтитъ,
Тутъ-же и положить бѣшеннымъ ударомъ —
По неволѣ струсишь, какъ убьютъ задаромъ.

Прикорнулъ за камнемъ, осмотрѣвъ вивтовку.
Воровскую, видно, знаетъ онъ споровку,
Какъ и гдѣ укрытятся; но не спитъ, не дремлетъ,
Всякій шорохъ въ страхъ чуткимъ ухомъ внемлетъ.
И нельзя. боится: вдругъ гайдѹкъ ⁹⁾ нагрянетъ.
Прежде чѣмъ очнетя, прежде чѣмъ онъ взглянетъ,
Какъ овцу, зарубитъ горецъ ятаганомъ,
Навалившись быстро сверху дюжимъ станомъ.
Не боится смерти, дюжь и самъ Новица,
Да не съ тѣмъ пошелъ онъ..... и ему не спитя.....
Сердится на мѣсяць, что не потухаеть,
Шепчетъ что-то гнѣвно, жалобно вздыхаетъ.

⁸⁾ Струка — шерстяной плащъ въ родѣ плаща.

⁹⁾ Гайдѹкъ — Сербъ, или Болгаринъ, бѣжавшій въ горы съ цѣлью мстить Туркамъ.

Вотъ и мѣсяцъ скрылся. И Новица дальше
Въпутъ собрался спѣшно; хочетъ чтобъ пораньше,
До зари добратся; долженъ торопиться —
Если посвѣтлѣетъ, такъ ему не скрыться.
Бѣгомъ, скокомъ кой-гдѣ двигаясь проворнымъ,
Пробѣжалъ онъ Цуцы, Бѣлицы, и къ горнымъ
Чѣкличамъ ¹⁰⁾ подходитъ; слезно молить Бога,
Чтобъ скорѣй кончалась трудная дорога.
То, что заставляетъ такъ идти отважно
Турка въ Черногорье, видно, очень важно.

Только что вторые пѣтухи пропѣли —
Вотъ ужъ и Цетинье; ¹¹⁾ третьи не успѣли
Слѣдомъ за вторыми прокричать до зорьки —
Вотъ уже и стража; въ разъ, безъ остановки
Подбѣжалъ Новица къ ней; и, въ изумленьи
Стражникамъ вскочившимъ, говорить въ волненьи:

„Тяжкая кручина ѣстъ меня и гложетъ;
Мучусь днемъ и ночью; отъ нея худѣю —
Да надѣюсь крѣпко, что Господь поможетъ

¹⁰⁾ Цуцы, Бѣлицы, Чекличи — названія селъ.

¹¹⁾ Цетинье — главный городъ Черногоріи.

Отомстить, какъ знаю, злomu лиходѣю.
Знаете-ль что а́га змѣй, разсвирѣпѣвши,
Забранныхъ Морáчанъ въпыткахъ всѣхъ замучилъ?
Да потомъ и вѣрныхъ слугъ не пожалѣвши,
И отца повѣсилъ..... Видно ужъ прискучилъ
Агѣ вѣрной службой..... Какъ ужъ я тужилъ!
Какъ ужъ ни просилъ я!.... Вотъ что заслужилъ!....
Ну, да вспомнить извергъ!.... Васъ теперь прошу
Доложить Владыкѣ ¹²⁾ обо мнѣ..... Спѣшу.....
То огнемъ я вспыхну, то похолодѣю.....
Пусть хоть самъ погибну, а отмщу злодѣю!“
Вѣдаешь-ли а́га, что сейчасъ свершилось?
Знать твое здѣсь счастье на вѣкъ сокрушилось.

¹²⁾ Владыкѣ — во время, соответствующее разсказу поэмы, Государемъ Черногоріа былъ Митрополитъ Петръ Второй (1830 — 1861 г.).

ПѢСНЬ ТРЕТІА.

Не орлы слетались нынѣ
Въ Черногорьи, на Цетѣини —
То собрались сто юнаковъ.
Видомъ, ростомъ одинаковъ
Каждый въ храброй той дружинѣ.
Не на смотрь, не для показу,
Всѣ соплися по заказу.
Но за то, какъ по ущелью
Встрѣтить ихъ кому придется,
Богъ избавь служить имъ цѣлью —
Ни одинъ не промахнется.
А когда дойдетъ до битвы —
Кайся и читай молитвы.

Собрались не на веселье
Въ ночь, безъ смѣха и безъ криковъ.

Громовыхъ для Турокъ кликовъ:
„Кто въ ущелье! Кто въ ущелье!“
Эхо горъ не повторяло;
И костровъ не озаряло
Пламя тьмы вокругъ глубокой.
Только изрѣдка лишь шопоть,
Да порой неясный топоть,
Слышны подь скалой высокой;
Гдѣ безъ шуму, и безъ спору
Всѣ сошлись по уговору.

Словно духовъ безтѣлесныхъ
Рой, скользящій въ тьмѣ пустой,
Вдаль четá, ¹³⁾ средь скалъ отвѣсныхъ,
Цѣпью двинулась густой.
Отъ утеса до утеса,
Въ слѣдъ за узкою тропинкой,
Другъ за другомъ, тихо вьется
Нить живая невидимкой.
Средь неясныхъ очертаній
Не отличишь ихъ отъ камней:
Голова вотъ, ноги, руки,

¹³⁾ Чета — дружина, отправляющаяся въ набѣгъ.

Вотъ концы повисли струки,
Вотъ винтовка, ятаганъ,
Пистолеть..... но то обманъ —
Мракъ густой нависшей ночи
Такъ смѣшно тебя морочить.

Но куда дружина эта,
Въ путь-дорогу до разсвѣта,
Такъ неслышно, такъ незримо,
Двинулась неудержимо?
Кто ихъ вѣдаетъ? — лишь Богъ
Дать отвѣтъ на это-бъ могъ.
А изъ насъ, кто можетъ грома
Вопрошать, откуда мчатся,
И на чьи неожиданно дома
Божимъ гнѣвомъ ополчатся.

Да, стремленіе дружины
Знаетъ только Богъ единый.
И великихъ беззаконій
Тотъ виновникъ неизвѣстный,
На кого Онъ вмѣсто молній
Ринуться ее заставилъ —
Праведный Свой гнѣвъ Небесный

Ей исполнить предоставилъ.
Кайся, кайся, преступленье,
Близится къ тебѣ твой часъ!
Истомцилось терпѣнье
Бога, мстящаго за насъ.

Въ мракъ густой вперяя очи,
Торопясь, какъ будто ждетъ
Кто ее, четá идетъ.
Время близится къ полночи.
Тихо все, лишь на горахъ,
Наводя тоску и страхъ,
Развѣ филинь прокричить;
Или, къ токамъ ¹⁴⁾ прикоснувшись,
Кой-гдѣ за скалу запнувшись,
Стволъ ружейный зазвучить;
Иль подъ легкою опанкой, ¹⁵⁾
Соскользнувъ съ тропинки гладкой
Врякнетъ камня гдѣ осколокъ,
Въ пропасть ниспадая съ шумомъ.

¹⁴⁾ Токи — ряды металлическихъ пуговицъ, нашитыхъ на куртки.

¹⁵⁾ Опанки — обувь изъ телячьей кожи, прикрѣпляемая ремнями.

И въ молчаніи угрюмомъ,
Отъ пригорка на пригорокъ.
Отъ тѣснины до тѣснины,
Дальше путь лежитъ дружины.
Вотъ Команей, Загорáча,
Бѣлопáвличей, все мимо,
Крадется четá незримо;
Вотъ и Ровцы, ¹⁶⁾ и Морачá'
Вдаль, средь мѣстности гористой,
Блещетъ лентой серебристой.
Все живое спитъ теперь;
Птица, рыба, гадъ и звѣрь
Отдыхаютъ въ тишинѣ.
Меркнутъ звѣзды въ вышинѣ.
Свѣтомъ розовымъ горя,
Занимается зоря.

Вотъ конецъ и переходу.
Ночью крѣпко наморились,
И, завидѣвъ зелень, воду,
Вросились, какъ сговорились,

¹⁶⁾ Ровцы, Бѣлопавличи и т. д. — названіе селъ.

На приваль. И что за лугъ!
Что за воздухъ благодатный!
Свѣжій вѣтерокъ пріятный
Шепчетъ, ластится, какъ другъ.
Не забудешь эту дневку!
Мягко, сбросивъ съ плечъ винтовку,
Лечь здѣсь на коврахъ душистыхъ
Изъ цвѣтовъ и травъ росистыхъ.
И Морача — словно рада,
Что вблизи ея прохлада.

Разбрелись. Иной вотъ руки
Моетъ здѣсь; другой отъ скуки
Точить ятаганъ булатный.
Плескъ воды, едва лишь внятный,
Манить лечь, разбросивъ струки,
Отдохнуть въ покоѣ сладкомъ.
Видно, не уставъ порядкомъ,
Тотъ, усѣвшись въ сторонѣ,
Все старается, хлопочетъ
Сжарить мясо на огнѣ.
А напиться кто захочетъ —
Вотъ рѣка; рукой, безъ чаши,
Могутъ пить юнаки нащи.

Солнце встало. Красный день
Гонить черной ночи тѣнь.
Птицы по кустамъ поютъ
Утру пѣснь, и гнѣзда вьютъ.
И звенять по вѣтру трели
Громкой пастуха свирѣли —
Кой-гдѣ близъ кустовъ чернѣя,
Кой-гдѣ средь травы пестрѣя,
Стадо близится; за нимъ
И пастухъ съ рожкомъ своимъ.

То пастухъ и добрый пастырь вмѣстѣ.
Нѣтъ предъ нимъ ни почестей, ни лести,
И не видно слугъ толпы блестящей;
Нѣтъ ни золота, ни серебра въ уборѣ;
Но смиреніе въ осанкѣ, а во взорѣ
Кроткій духъ любви животворящей;
Не несутъ за нимъ съ кадиломъ свѣчи,
Не бѣгутъ предъ нимъ для пышной встрѣчи.

Храмъ его сводъ неба голубой,
Какъ Творецъ, великій безконечный.
Днемъ горитъ надъ нимъ свѣтильникъ вѣчный.

Ночью звѣзды видитъ надъ собой.
А туманъ, дымящійся на кручахъ,
Какъ кадильный дымъ, восходитъ въ тучахъ.

И приблизившись къ своимъ
Чадамъ, вставшимъ передъ нимъ,
Пастырь, давъ благословенье
Имъ, вѣщаетъ въ наставленье:

„Вотъ земля, что вамъ съ любовью
Ваши предки завѣщали.
Здѣсь они своею кровью
Берегли и защищали
Вѣру, родину и волю.
Ваше счастье, вашу долю
У врага завоевали
Боемъ смертнымъ. И едва-ли
Кто изъ васъ за наши скалы
И бесплодныя стремнины,
За клочекъ ихъ самый малый,
Тучныхъ пажитей равнины
Самый свѣтлый уголокъ
Взять-бы захотѣлъ, иль смогъ!“

„И не даромъ проливали
Кровь на горахъ и стремнинахъ
Дѣды — гнѣздъ вѣдь не свивали
Никогда орлы въ равнинахъ.“

„Чада, вы не испытали
Никогда, что значить нѣга!
Какъ орлята, выросали
Вы средь скалъ, средь льдовъ и снѣга.
Вамъ не нуженъ виноградъ,
Шелкъ и мирты, и маслины;
Каждый здѣсь сердечно радъ,
Если горныя долины,
Съ помощью Святаго Бога,
Хлѣба хоть дадутъ немного;
Лишь вода ручьевъ холодныхъ
Утоляетъ жажду вашу.
Но суровыхъ и бесплодныхъ
Скалъ и горъ защиту нашу
Любимъ мы не безъ причины —
Воли не даютъ равнины;“

„Не роскошны наши яства,
И не пышенъ нашъ уборъ;

Но средь нашихъ Черныхъ-Горь
Есть у насъ свои богатства.
Брата крѣпко любить брать;
Мать и нѣжная подруга,
Мужу здѣсь вѣрна супруга;
Доблесть здѣсь не ждетъ награды;
Голову отдать здѣсь рады
Другъ за друга, побратимы; ¹⁷⁾
Есть здѣсь трудъ неутомимый;
Счастья нашего, отрады,
Воли, здѣсь не отладуть;
Въ битву съ пѣсней здѣсь идутъ;
Остръ булатъ; соколье око
Видитъ здѣсь врага далеко;
И привыкла наша рать
За отчизну умирать!“

„Но и родины своей дороже
Крестъ Христовъ мы почитаемъ, Боже!
Онъ, какъ стражъ, надъ Лѣвченомъ ¹⁸⁾ парить:
Онъ съ тобой въ сердцахъ у насъ царить!

¹⁷⁾ Побратимство — обрядъ, съ клятвою на вѣчную дружбу.

¹⁸⁾ Лѣвченъ — горная вершина, самая высокая въ Черногоріи.

Если-бъ братья наши увидали,
Сколько мы за Крестъ Твой пострадали,
Какъ его мы кровью осятели,
Натискъ злаго Турка отражая,
Вражьей силы-бы не допустили
Насъ тѣснить; и, подвигъ уважая,
Помогли-бъ въ бѣдѣ намъ и напасти,
Изъ турецкой вырвали-бы пасти!“

„И теперь за Крестъ тотъ вы идете.
И теперь вы умереть готовы
За него; и съ радостью прольете
Кровь свою, благословивъ суровый
Жребій вашъ, назначенный отъ Бога.
И инымъ, быть можетъ, больше не видать
Горь родныхъ своихъ..... и будетъ ждать,
Понапрасно изнывая у порога,
Обливаясь слезами, мать.....
Ей сыновъ ^{своихъ} не обнимать!
Не откроютъ длинныя рѣсницы,
Не поднимутъ сильныя десницы,
Чтобъ врага исконнаго карать.....
Кайтесь, пока еще есть время;

Преступленій тягостное бремя
Намъ мѣшаетъ жить и умирать!“

„Брата кто изъ васъ не оскорбилъ-ли?
Иль противника во гнѣвѣ не убилъ-ли?
Иль голоднаго чѣмъ могъ не напиталь,
Иль въ несчастіи на Бога возропталъ
Иль съ врагами нѣ былъ милосердъ,
Или съ низшимъ былъ жестокосердъ?.....
Кайтесь!.... и вольный, и невольный
Грѣхъ вашъ отпущу я недостойный.“

„Кайтесь, пока еще вы живы —
Стережетъ насъ зорко грѣхъ ревнивый.
И глядитъ намъ строго смертъ въ глаза.....
Кайтесь!.....

Но здѣсь слеза
Очи старца оросила.
Онъ замолкъ. И правды сила
Въ ихъ проникнула сердца.
Отъ служителя Христова

И духовнаго отца,
Силой пламеннаго слова
Будто-бы переродившись,
Со смиреньемъ преклонившись,
Каждый принялъ разрѣшенье
Всѣхъ грѣховъ и утѣшенье.

И, принявъ благословенье,
Разойтись уже хотѣли,
Вдругъ: „Кто это?... Неужели?...“
Съ бѣшенствомъ и съ изумленьемъ,
За оружіе схватившись,
Вскрикнули, какъ сговорившись.
„Это кто?..... нѣтъ, невозможно,
Чтобы такъ неосторожно
Онъ предъ нами смѣлъ явиться!
Ты-ли это?... Ты-ль Новіца!“

Я..... я самъ! Но отстранитесь,
Не стрѣляйте, не тѣснитесь!
Я уже не врагъ вамъ больше.
Есть-ли доля злѣй и горше,
Чѣмъ моя?.... Отца убилъ

Ага, и меня сгубиль.
Видно, такъ Господь рѣшилъ!.....
Я не даромъ къ вамъ спѣшилъ —
Къ Туркамъ больше не вернуся.
Божьимъ именемъ клянуся,
Что отъ нынѣшняго дня
Имъ не позабыть меня!
Кровнымъ, злѣйшимъ ихъ врагомъ
Сталъ теперь; о всемъ другомъ
Кромѣ мести позабуду!
Вамъ теперь служить лишь буду.
Съ прошлымъ чтобъ навѣкъ проститься,
Я желаю окреститься
Здѣсь сейчасъ-же!..... „и въ волненьи
Смолкъ. Въ средечномъ умиленьи
Старецъ подалъ знакъ, и стихъ
Говоръ радостный средь нихъ.
Происшедшему дивясь,
Чашу съ свѣжею водою,
Изъ Морачи налитую,
Подали; онъ помолясь
Совершилъ обрядъ крещенья.
„Вотъ нашъ братъ! Онъ освященъ!

Полнаго отъ насъ прощенья
Окрестясь достоинъ онъ;
И не гнѣвъ, не укоризны
Пусть онъ встрѣтитъ, а любовь!
Вмѣсто кинутой отчизны
Здѣсь найдетъ другую вновь!“

Совершивъ обрядъ крещенья,
Удостоивъ ихъ прощенья,
Старець, пастырскою властью,
Допустилъ ихъ всѣхъ къ причастью.
И, воздѣвши руки къ Небу,
Помолвились всѣ; и къ Хлѣбу
Живоносному и Крови,
Проливой за насъ за всѣхъ,
И смывающей съ насъ грѣхъ,
Приобщились всѣ въ безмолвьи.
Заповѣдь любви Христовой
Неизмѣнно исполняя,
Каждый членъ четы суровой,
Съ приобщеньемъ поздравляя,
Брата братски цѣловаль,
И душою ликоваль.

Подерѣпивъ себя, и взявши
И Новіцу на подмогу,
Вся дружина въ путь-дорогу
Спѣшно собралася дальше.

ПѢСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Гадко поле, чистополье,
Наша радость и раздолье!
Не тебя-ли вражья сила
Нашей кровью оросила!
Каждый часъ о Боже правый!
Турокъ властенъ насъ обидѣть.
Вотъ сегодня пиръ кровавый
Предстоитъ тебѣ увидѣть!
Всюду кони да палатки,
Гамъ, оружія бряцанье,
Шумъ и говоръ, словно схватки
Боевой съ кѣмъ ожиданье.
Нѣтъ, тотъ гамъ коней и люда,
Что доносится оттуда,
Ничего не означаетъ.
Просто подать агѣ рая
Бѣдная сносить кончаетъ.

Ага наложилъ на хату
Каждую: лишь по дукату,
Да по жирному барану,
Чтобъ свою насытить глотку;
Да и дѣвушку-красотку
Взять велѣлъ онъ, какъ султану.

Ѣдутъ сборщики съ востока,
И конемъ топча жестоко,
Въ кучу связанную раю,
Какъ барановъ собирають.
Ѣдутъ сборщики съ заката,
Словно изготоваясь къ бою,
Гонятъ взмахами булата
Влѣховъ стадомъ предѣ собою.
Ѣдутъ съ сѣвера и съ юга,
И позорятъ ихъ, ругають,
Бьютъ ихъ, и кнутомъ стегають,
Нагоняя другъ на друга.
Въ чемъ же провинилась рая?
И за что ее поносятъ?
Не за то-ль, что если спросятъ,
Дать не можетъ, умирая

Съ голоду, отъ каждой хаты
Золотомъ тяжелой платы?
Только рубище въ заплаткахъ
И имѣя въ этихъ хатахъ,
Да въ насущную потребу
Рада будучи и хлѣбу.

Вотъ, кружась передъ шатрами,
Ага на конѣ гарцуетъ;
И, взбивая пыль столбами,
Конь его подъ нимъ танцуетъ.
Давъ коню своему волю,
Вихремъ носится по полю —
Разгорѣлось ретивое.
Позабывъ все остальное,
Потрясаетъ боевое
Копейцо свое стальное.
Сильны руки вѣренъ глазъ —
Попадаетъ въ цѣль какъ-разъ.
Смотрить ага — вотъ вдали
Подвигается въ пыли,
Въ кузахъ, скованная рѣя.
Соколомъ къ нимъ подлетѣль,

И, копьемъ своимъ играя,
Въ нихъ метнуть имъ захотѣлъ.
Но копье перевернулось;
И кривымъ своимъ полетомъ,
Змѣемъ зашипѣвъ при этомъ,
Турку прямо въ глазъ воткнулось.
Цѣлясь въ связаннаго Влѣха,
Ага сборщику Сафѣру,
Въ глазъ копье всадилъ съ размаха.
Взвыль отъ злости громче звѣря
Ага; самъ себѣ не вѣря,
Видитъ онъ, что Влахъ проклятый
Невредимъ, а трусь усатый
Хнычетъ передъ нимъ Сафѣръ.
„Гей, Гассанъ, Яшаръ, Омѣръ,
Въ поле! живо проскачите
Молодцами всей гурьбой,
Да и Влѣховъ волочите
Въ слѣдъ, въ догонку за собой!“

Понеслись лихіе кони,
Слѣдомъ побѣжала рая;
И позорной той погони

Словно муками играя,
Злобствуютъ надъ ними слуги.
Замотавъ ремнемъ за шею,
Привязавъ ремень къ подпругѣ,
Скачутъ, удалюю своею
Потѣшаясь..... Боже правый!
Знать забылъ свое созданье
Ты за грѣхъ нашъ, что страданье
Намъ такое врагъ лукавый
Измышляетъ, и порочить.....
По землѣ, какъ псовъ, волочить!

Мчатся кони, пыль вздымая —
Отстаютъ, устали Влѣхи;
Но, ударомъ поднимая,
Снова ихъ волочатъ въ прахѣ.
Нарѣзвились Турки вволю,
Растерявши ихъ по полю.
И коней зловѣщій топотъ
Покрываетъ дружный хохотъ.
„Стойте, гей! Назадъ скачите!“
Крикнулъ ага, злобой тлѣя.
„Плетью боль ихъ полечите,

Бейте силы не жалѣя!....
Только кнутъ имъ и приличенъ,
Подлый Влахъ къ нему привыченъ!“

Злые слуги злаго звѣря
Вмигъ съ коней сошли. Не звѣря,
Что въ лохмотьяхъ и босая
Рая при смерти лежала,
Кинулись, какъ стая гнусныхъ
Псовъ, съ проклятемъ потрясая
Плетью. И какъ взмахъ кинжала,
Бичъ тройной въ рукахъ искусныхъ
Рѣжетъ тѣло, рветъ на части;
Словно зубы волчьей пасти
Впился, и рубецъ широкій
Безустанно кровью пишетъ.....
А страдалецъ еле дышетъ,
Чуя свой конецъ жестокий!

Милосердый Божс! внять
Воплямъ нашимъ Ты не хочешь.
Можно-ли кнутомъ поднять
Мертвеца!..... А ты хохочешь
Кровопйца!..... Но, остатки

Силь послѣднихъ напрягая,
Встали Влѣхи, и къ палаткѣ
Аги гонять ихъ стегая.

„Подать, подать приносите
Поскорѣй! мнѣ деньги нужны;
Да отсрочки не просите,
Мнѣ возиться недосужно
Съ вами..... нищѣ бродяги!“
Слышатся угрозы аги.

Всеблагой Создатель нашъ пернатымъ
Воздухъ далъ въ наслѣдье, и богатымъ.
Одарилъ покровомъ ихъ; а пища
Имъ вездѣ готова; для жилища
Гнѣзда свиль среди кустовъ вѣтвистыхъ,
Дупла далъ въ въ глуши дубравъ тѣнистыхъ.
Рыбамъ далъ кристальные чертоги;
Звѣрю — лѣсъ, поля, луга, берлоги,
Гдѣ они вкушаютъ жизни сладость.
Бѣдный Влахъ одинъ лишь не на радость,
А на муку вѣчную рождается.
Стонетъ онъ въ неволѣ!..... и гордится
Мусульманинъ, что сама судьба.

Въ раѣ вѣчнаго дала ему раба.
Влахъ работу, Турокъ наслажденья,
Созданы узнать отъ дней рожденья.

„Подать, подать!.... гдѣ ее достанешь,
Если все, вездѣ, куда ни взглянешь,
Все не наше! честь, имѣнье, воля —
Все заграбилъ Турокъ ненасытный.
Нѣтъ у Влаха собственнаго поля,
Онъ чужое потомъ орошаетъ,
И за трудъ тяжелый, неусыпный,
Божій даръ его не утѣшаетъ.
Что тутъ дать, когда гнилая пища;
Гдѣ тутъ деньги, если нѣтъ жилища,
Чтобы скрыться отъ злодѣйства аги —
Вотъ и стали смерды и бродяги!“

„Смилуйся, о Господине!
Золота отъ насъ не требуй;
Рады мы водѣ и хлѣбу,
Не сберемъ мы подать нынѣ;
Подари хоть малой льготой,
Подать мы внесемъ съ охотой!“

„Ахъ, вы псы! а плеть каваса ¹⁹⁾
Знаете? ни дня, ни часа
Льготы вамъ не дамъ! сейчасъ
Подать чтобъ несли! я васъ!.....
Гей вы, олухи, оглохли!
Влахи босы, такъ обуйте,
Да ужъ вмѣстѣ и подкуйте
Вы ихъ, чтобъ они издохли!“
Крикнулъ ага, и въ припадкѣ
Бѣшенства исчезъ въ палаткѣ.
Разомъ скрипнули фелеки. ²⁰⁾
Злѣе всѣхъ Саферъ. Потеря
Глаза растрвила злобу,
Тлѣвшую всегда въ калѣкѣ;
Свирѣпѣетъ хуже звѣря,
Тѣшитъ адскую утрабу.

Какъ-бы умереть желала
Эта горсть людей несчастныхъ!
Какъ о смерти умоляла

¹⁹⁾ Кавасъ — полицейскій служитель, жандармъ.

²⁰⁾ Фелеки — колодки, въ которыя забиваютъ ноги, при наказаніи палками по пятамъ.

Палачей своихъ ужасныхъ!
Да, когда-бъ пересчитать
Все, что вытерпѣли Влáхи,
Вы закрыли-бъ книгу въ страхѣ,
Силь не стало-бы читать!

Средь долины, межъ горами,
Передъ бѣлыми шатрами,
Въ жаркѣй день ихъ покрывая,
Стала липа вѣковая.
Здѣсь, гдѣ мурава ковромъ
Стелется, и серебромъ
Блещетъ струйка ключевая,
И журча спѣшитъ въ овраги,
Свѣтлой лентой ниспадая —
Здѣсь, какъ первый снѣгъ блистая,
Высится палатка áги;
Словно лебедь молодая
Посреди гусиной стаи.

Мѣсяць въ вышинѣ париль,
Озаряя кроткимъ свѣтомъ
Рядъ холмовъ на мѣстѣ этомъ.

И торжественный цариль
Миръ надъ всѣмъ, и на равнинахъ,
И въ лѣсахъ, и на стремнинахъ.
И прекрасны, и ясны
Звѣзды въ небѣ, Божьи очи,
И средь нѣги чудной ночи
Снятся золотые сны...
Чудится, что тѣ холмы —
Рядъ могилъ дѣдовъ уснувшихъ;
Тѣхъ Славянъ, которыхъ мы —
Дѣти хилые. Минувшихъ
Счастья дней толпится рой.
Злой судьбы слѣпой игрой
Мы унижены, забиты;
Рода нашего держава,
Дни величїя и слава,
Въ горѣ нашемъ позабиты.
И теперь, о Воже правый!
Турка власть и гнетъ кровавый,
Тѣла и души неволя —
Вотъ какая наша доля!
Тяжко наше горе!..... долго
Раи слезы съ кровью льются,

А мольбы и стоны къ Богу
И къ собратьямъ ихъ несутся.

Слышны-ли тебѣ глухіе звуки
Цѣпи той, что намъ кровавить руки?
Вѣдаешь-ли мѹку нашу эту,
Ты, разсѣянный по бѣлу свѣту,
Братъ родной семьи Славянъ великой?
О избавь, избавь отъ злобы дикой
Нась, оставленныхъ безъ оправданья
Мусульманину для растерзанья!

Между бѣлыми шатрами,
Предъ зажженными кострами,
Собралися Турки — ужинъ
Сытный имъ и агѣ нуженъ.
Тотъ къ костру совѣмъ пригнувшись,
Какъ кузнечный мѣхъ надувшись,
Дуетъ на огонь, и пламя,
Словно огненное знамя,
Всколыхнулося, и вмигъ
Вспыхнулъ ворохъ дровъ сухихъ;
Тѣ съ водой пришли, а тутъ

Двое принесли барана,
И обмывъ его исправно,
Жарить на огонь кладутъ;
И горить шипя, сверкая,
Жиръ, на уголья стекая.

Вотъ обмывъ водою руки,
Ракии ²¹⁾ напившись вволю,
Жадно кинулися Турки
Къ ужину; носясь по полю
Изморились; раю мучить
Имъ могло ужъ и прискучить.
Да нельзя винить ихъ тоже,
Подать вѣдь сдирали съ кожей;
Влахи, подлая собаки,
Денегъ не даютъ безъ драки.

Жареннымъ душистымъ мясомъ,
Водкой въ мѣру подкрѣпившись,
Хмурая шепчется съ кавасомъ
Ага, крѣпко разозлившись.

²¹⁾ Ракиа — водка.

Что за мерзость, срамъ сказать!
Цѣлый день съ презрѣнной дряни
Не собрать ничтожной дани.
Или хоть-бы это взять —
Какъ ему, ему юнѣку,
Въ христіанскую собаку
Цѣлясь—Турку въ глазъ попасть!
Просто стыдъ, позоръ, напасть!
Но постой-же! „гей, костеръ
Разведите поскорѣ!
Влахъ озябъ, я пологрѣю —
Я на выдумки остеръ!“

Слышитъ рая злой приказъ.
Слышитъ и молчитъ. „О что-же
Ты, о милосердый Боже!
Не спасешь хоть въ этотъ разъ.
Въ праведныхъ Твоихъ судьбахъ
Вспомни о своихъ рабахъ,
Мы истаяли въ страданьи!
Въ адскихъ такъ не жгутъ печахъ,
Нѣтъ у насъ и слезъ въ очахъ,
Нѣтъ и голоса въ гортани.“

Турки-жь рады—ждуть забавы,
Разговоръ ведутъ лукавый:

„Что такъ долго ага ждетъ?

Какъ подкуримъ посильнѣ

Этотъ липовый народъ, ²²⁾

Мигомъ станетъ онъ умнѣ,

И сполна всю дань найдетъ!

Между тѣмъ въ шатрѣ просторномъ

На коврѣ сидятъ узорномъ

Ага, Баукъ-воевода,

Гость его. Тѣснясь у входа.

Съ ними старшіе изъ Турокъ

Изъ кальяновъ и изъ трубокъ

Дымъ пускають ароматный,

Разговоръ ведутъ пріятный.

Всюду роскошь и богатство,

Всюду пышное убранство.

Мягкіе ковры дивана,

Сбруи дорогой наборы,

²²⁾ Липовый человекъ — слабый человекъ; такъ Турки называютъ христіанъ-славянъ.

Трубки длинныя кальяна,
Стоять агъ денегъ горы.
На ремняхъ, по жерди длинной,
Протянувшейся въ палаткѣ,
Вывѣшенъ блеститъ картинно,
Рядъ оружія въ порядкѣ.
На оружіе богатъ
Ага: дорогой булатъ,
Отражая свѣтъ костра,
Въ темнотѣ среди шатра,
Рѣжетъ глазъ, какъ будто свѣчка;
Искрами горитъ насѣчка,
Блещетъ ружей позолота,
А кинжаламъ нѣтъ и счета.
Объ оружіи своемъ
Темной ночью, яснымъ днемъ,
И заботится, и тужить
Ага; вѣдь ему оно
Утѣшеніе одно.
Да и вѣрой-правдой служить.
И не разъ клинокъ дамасскій
Разсѣкалъ на части влашскій
Черепъ —ага очень дюжъ,

И во гнѣвѣ неуклюжъ.
А вотъ здѣсь въ углу шатра,
Возлѣ пестраго ковра,
Струны мѣдныя бдестятъ,
Гусли звонкія стоятъ.
Сладко выпить, вкусно скушать,
Любить ага, и кальянъ
Задымивши, сытъ и пьянъ,
Любить жмурясь пѣсни слушать.

Послѣ вкуснаго обѣда
Оживленная бесѣда
Закипѣла! о деньгахъ,
Объ охотѣ, о коняхъ,
И о всѣхъ вещахъ пріятныхъ,
Что людей прельщаютъ знатныхъ.
Что за уголокъ уютный!
Вѣтеръ, что теперь безпутный
Такъ бушуетъ на дворѣ,
Не тревожить здѣсь въ шатрѣ
Никого. И въ самомъ дѣлѣ,
Прежде чѣмъ допить успѣли
Кофе Ага, воевода,

Тихая весь день погода
Измѣнилась; гонить тучи
Вѣтеръ черныя, летучій
Кружить и вздымаетъ прахъ,
Злится, воетъ, въ бури дикой;
Стонъ и гулъ идетъ въ горахъ —
Непогодѣ быть великой.

Ночь межъ тѣмъ смѣнила вечеръ.
Разыгрался буйный вѣтеръ,
Воетъ звѣремъ, тяжело стонетъ,
И средину тучъ нависшихъ
Злобно рветъ, и быстро гонить.
Средь порывовъ вѣтра стихшихъ
Блещетъ молнія змѣяся;
Громъ, въ ущельяхъ горъ дробяся,
Оглушаетъ и грохочетъ —
Потрясти всю землю хочетъ.
Послѣ грохота и треска
Громовыхъ ударовъ, рѣзко
Ливень зашумитъ, и пуще
Взоетъ вѣтеръ. Мрака гуще
Быть не можетъ. Средь кромѣшной

Тьмы лишь молнія слѣпитъ.
И шатаея скрыпять
Липа. Скрылося поспѣшно
Все живое подъ защитой.
Ливень потушилъ костры;
Турки спрятались въ шатры
Отъ погоды той сердитой.

Ночь темна, ни зги не видно;
Хоть играй кто хочетъ въ прятки —
Просто посмотрѣть завидно,
Какъ уютны ихъ палатки.
Что имъ за бѣда, что злится
Буря, и что дождь дробится
О шатеръ, не умолкаетъ —
Онъ насквозь не протекаетъ.
Чу!..... постой!..... вотъ будто топоть
Слышенъ..... нѣтъ то ливня ропоть.
Выйти посмотрѣть-бы въ даль,
Да разсмотришь что едва-ль;
Средь могильной темноты
И себя не видишь ты.
Вотъ опять!..... толпа народа

Словно близко..... нѣтъ, погода
То шумить; иль духовъ рой
Тамъ кружить ночной порой.

Нѣтъ, не духи то. Сгустила
Ночь свой мракъ, но освѣтила
Молнія на мигъ—и вотъ,
Ясно видно, что идетъ
Кто-то бодро предъ отрядомъ.
Вѣрно вождь; но кто съ нимъ рядомъ?
То надежный провожатый,
Видно, на подмогу взятый.

Ближе! громче!..... эй, очнитесь,
Что вы спите! встрепенитесь,
Турки!..... близится вашъ часъ!
Прекратите шутки, смѣхъ!
Казнь жестокая за грѣхъ
Нынѣ ожидаетъ васъ!

Но не слышать. А дружина
Здѣсь ужъ вся, и половина
На готовѣ сторожила,
А другая окружила

Аги весь шатерь тишкомъ.
Странно! словно-бы знакомъ
Кто изъ нихъ со всѣмъ, что здѣсь;
Такъ отрядъ поспѣшно весь,
И увѣренно, и смѣло,
Ринулся на это дѣло;
Молча слушаетъ и ждетъ.
Чуешь ага, смерть идетъ!

Но не чуешь..... какъ и прежде
Въ дорогой своей одеждѣ
Съ гостемъ на коврѣ сидитъ;
И не весель; разговора
Не ведетъ, не любитъ спора,
Думу думаетъ, молчитъ.
Думаетъ о Черногорцахъ,
Объ отвагѣ ихъ орлиной,
Объ охотѣ соколиной,
Объ оружьи, червонцахъ,
О метаньи въ цѣль копьемъ,
И о промахѣ своемъ.
Вспомнилася неудача,
Какъ Сафѣръ, крича и плача,

Съ глазомъ выбитымъ своимъ,
Повалился передъ нимъ.
Да, позорь!..... и жажда крови
Схмурила, сдравила брови;
Исказился весь отъ гнѣва.
Повернувшись вправо, влѣво,
Гусли, видитъ онъ, стоятъ,
И притихъ..... знать пѣсни звуки
Злобы утишаютъ муки,
И страстей смягчаютъ ядъ.

Говоритъ Баўку ага:
„Что когда-бъ теперь ватага
Черногорцовъ, ну ихъ къ бѣсу,
Къ намъ-бы привалила вдругъ?
Вѣдь пудовъ двѣнадцать вѣсу
Есть въ тебѣ, любезный другъ —
Молодцомъ слывешь не даромъ!
Сколько ихъ однимъ ударомъ
Ятаганомъ ссѣкъ-бы сразу?“
„Шестерыхъ!“ „Да по приказу
Каждый Турокъ то навѣрно
Сдѣлаеть; вотъ я, примѣрно,

Бёрдянь цѣлые десятки
Искрошилъ-бы; безъ оглядки
Побѣжали-бъ остальные,
Испугавшись, какъ шальные!
Да..... а ты, подумать стыдно,
Не сильнѣе бабы видно!
Впродчемъ, спорить перестанемъ;
Лучше спой, мы слушать станемъ.“

Баукъ, взявши гусли въ руки,
Отвѣчалъ: „Спою, отъ скуки,
Васъ потѣшу, Господарь!
Ну-ка Баукъ, не ударь
Испугавшись въ грязь лицомъ,
И съ началомъ и съ концомъ
Пѣсню господамъ сыграй!
Вотъ пришлось, хоть умирай!
Такъ сказалъ, и, ладъ прибавши,
Началъ звонко заигравши:

„Разкажу я вамъ забавный
Случай; хочешь вѣрь, не вѣрь —
Жилъ когда-то ага славный,
Только не теперь,
Только не теперь.“

„Мало было и на свѣтѣ
Молодцовъ такихъ, какъ онъ;
Храбръ въ бою, и мудръ въ совѣтѣ,
Словно Соломонъ,
Словно Соломонъ.“

„Вздумаль этотъ ага самый
Подать собирать. Хоть глупъ,
А разчетливъ Влахъ упрямый,
И на деньги скупъ,
И на деньги скупъ.“

„Съ кожей нужно драть съ болвановъ
Дань всегда. Да не хитри —
Денегъ подавай, барановъ
Сотни двѣ иль три,
Сотни двѣ иль три!“

„Да пришло еще въ охотку,
Хоть и былъ ужъ старъ и сѣдъ,
Агъ, взять въ гаремъ красотку —
Первый вешній цвѣтъ,
Первый вешній цвѣтъ.“

„Вотъ и вышла тутъ потѣха
Съ áгой, право я не вру;
Да такая, что отъ смѣха

Ой, боюсь, умру!

Ой, боюсь, умру!“

„Взять хотѣлъ рукой побѣдной
Денегъ столько, чтобъ не счесть;
Не нашель и пары²³⁾ мѣдной —

Ошалѣлъ, какъ есть!

Ошалѣлъ, какъ есть!“

„Вмѣсто жирнаго барана
Принесли сухую кость;
Просто и подумать срамно!

Разбираеть злость!

Разбираеть злость!“

„Не дають въ гаремъ красотки,
Быль у нихъ объ этомъ споръ.
Порѣшили такъ на сходкѣ —

Это стыдь, позоръ.

Это стыдь, позоръ.“

²³⁾ Пара — мелкая мѣдная монета.

„Хочетъ гнѣвъ сорвать надъ Влѣхомъ
Ага, всѣмъ велить имъ стать
Въ кучу; что-бъ однимъ ихъ махомъ
Подъ конемъ стоптать,
Подъ конемъ стоптать.“

„Борзый конь, какъ птица, взвился,
Прянуть разъ другой успѣлъ;
Ага-жь, какъ чурбанъ, свалился,
Ползаль да сопѣль,
Ползаль да сопѣль.“

„Съ той поры, смѣясь надъ агой,
Въ пѣсняхъ начали слѣпцы
Звать шутомъ его, бѣднягой —
Ай-да молодцы!
Ай-да молодцы!“

Кончилъ Баукъ. Угодилъ
Агѣ онъ не въ бровь, а въ глазъ —
Словно къ мѣсту пригвоздилъ
Агу злой его рассказъ.
„Вотъ какъ! захотѣлъ при всѣхъ
Онъ поднять меня на смѣхъ!“

При словахъ — упаль съ размаха
Онъ съ конемъ, задѣвъ за Влаха —
Всѣ лукаво ухмылялись.

И опять, какъ засмѣялись

Разомъ всѣ, когда зашѣлъ

Баукъ — взять онъ не успѣлъ

День-деньской возясь и пары —

Даже Мустафа тутъ старый,

Смѣхъ глотая, поперхнулся.

Самъ ты шутъ!... и звать рехнулся

Ты отъ жиру. мой пѣвецъ!

Да не тотъ совсѣмъ конецъ

Ты придумалъ въ пѣснѣ злой!

Надоѣли всѣ вы мнѣ;

Всѣмъ при первой-же вивѣ

Голову снесу долой!

Перебью васъ безъ разбора,

А избавлюсь отъ позора!“

Про себя такъ ага злится,

Словно бѣсъ, а самъ хохочетъ;

Пересилить гнѣвъ свой хочетъ,

Выказать себя боится.

Но не смогъ..... „Гей вы, Сафёръ,
Всѣ сюда! Гассанъ, Омёръ!
Мучьте проклятую раю,
Кожу съ ней съ живой сдерите,
Только подать соберите!
Что они со мной играютъ!
Ишь ты! выдумали стачки!
Да не дамъ я имъ потачки.
Я ихъ!.....“

Съ трескомъ, словно громъ,
Разразился надъ шатромъ
Залпъ внезапный..... „Это что?
Шутить что-ли съ нами кто?“
Нѣтъ, плохія вышли шутки:
Вотъ, не медля ни минутки,
Залпъ другой..... И тяжело врозь,
Прострѣленные насквозь,
Рухнули три человѣка.
Валится Сафёръ-калѣка,
Падаютъ другіе съ крикомъ,
Мечутся въ смятеньи дикомъ
Остальные..... „Влѣхи, Влѣхи!“
Завопили Турки въ страхѣ.

„Гей, Гассанъ, коня, коня!
Въ ятаганы ихъ!..... съ меня
Всѣ примѣръ берите!..... бейте
Влаховъ подлыхъ! не робейте
Ихъ!.....

Но тутъ внезапно грянуль
Залпъ еще..... Какъ звѣрь подпрянуль
Ага, и какъ снопъ упаль —
Выстрѣль въ сердце, знать, попалъ.
Это вѣрно Мирко-попъ,
Такова его сноровка:
Только въ сердце, или въ лобъ,
Бьетъ всегда его винтовка.

Такъ надъ агой казнь свершилась.
Смерть — за смерть, и сокрушилась
Власть жестокая злодѣя —
Вонъ лежитъ онъ холодѣя!
Бьются Турки какъ попало,
Да пришлось имъ не въ мочь;
Много ихъ убитыхъ пало
Въ эту памятную ночь.

Лишь немногіе остались
Невредимы, да и тѣ
Убѣжали въ темнотѣ.
Такъ-то Влѣхи расквитались!
Этотъ липовый народъ
Долго молча терпитъ, ждетъ,
Да за то, хотя и рѣдко,
А за зло отплатить мѣтко.

И не только никому
Бѣукъ головы не ссѣкъ,
А пришлось самому
Плохо — пряткій человѣкъ —
Онъ, какъ заяцъ, въ мракѣ ночи
Тягу даль, что было мочи.

Здѣсь убили и Новіцу.
Своего отца убійцу
Чуть призналъ, не взвидѣвъ свѣта,
Тигромъ кинулся на агу —
Да Гассанъ изъ пистолета
На вѣкъ уложилъ бѣднягу.

Кончился ружейный громъ,
А небесный все грохочетъ.
Аги овладѣвъ шатромъ,
Отдохнуть дружина хочетъ.
Дѣла было ей довольно,
Да за то теперь привольно
Послѣ боя отдохнуть,
И часокъ-другой заснуть.
А отъ Турокъ что осталось,
Все имъ поровну досталось.
Кромѣ всѣхъ вещей богатыхъ,
Какъ добыча ими взятыхъ,
Сколько всякаго припаса!
Водки, кофе, хлѣба, мяса —
Горы! Для юнаковъ точно
Ага все собралъ нарочно.

ПѢСНЬ ПАТІА.

Лѡвченъ къ небу гордась воздвигается.
А внизу у подошвы долина,
Тяготась подъ пятой исполина,
Разстиляется, въ даль разбѣгается.
Въ той долинь, въ дубравахъ тѣнистыхъ,
Есть хоромы; въ хоромехъ тѣхъ чистыхъ
Есть свѣтлица; въ свѣтлицѣ — распятые.
А предъ нимъ ты увидишь дивяся,
Старый Турокъ вздыхаетъ моляся —
Не турецкое это занятъе!

Кто-же Турокъ тотъ старый и знатный?
Какъ вѣнцомъ, онъ украшенъ чалмою;
И горитъ золотою тесьмою
Весь кафтанъ; а у бока булатный
Ятаганъ съ дорогой рукою —

Онъ подъ стать тому пышному платью.
Но напрасно глядишь ты дивясь —
То не Турокъ: крестясь и моляся,
Передъ Богомъ стоитъ вдохновенный.
Петръ Второй, нашъ Владыка смиренный.

Чьей чалмой у Владыки повита
Голова? Чэнгичь-аги чалмою.
Онъ убить. И могильною тьмою
Голова его на вѣкъ покрыта.
Въ чьей стоитъ то Владыка одеждѣ?
Чэнгичь-ага носилъ ее прежде.
Онъ убить. И теперь только гнилью
Онъ одѣтъ, да червями, да пылью.
Ну, а чей-же клинокъ то булата?
Чэнгичь-аги, его былъ когда-то.
Онъ убить. И змѣя цѣпенѣя,
Вмѣсто сабли, лежитъ съ нимъ чернѣя.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

<i>Стр-Строка нича. сверху</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
5	9 живымъ	живьемъ
21	1 даромъ	даромъ
23	18 Ей сыновъ не обнимать	Ей сыновъ своихъ не обнимать
24	7 не	не
24	13 смерть	смерть
26	15 средечномъ	сердечномъ
37	16 утрабу	утробу
40	7 братъ	братъ
48	4 лухи	духи
48	9 Бѣрно	Вѣрно.
51	7 Впрочемъ	Впрочемъ
61	6 владыки	Владыки
61	10 владыка	Владыка.